

ИСТОРИЯ ОДНОЙ НЕУДАЧИ: ПРОНСКАЯ «ГОРОВОВАЯ ПОДЕЛКА» 1630 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию причин неудачи пронской «городовой поделки» 1630 г. Дворянин М.Ф. Дурной, направленный для организации ремонта местной деревянной крепости, столкнулся с массовым уклонением от повинности, а затем и прямым сопротивлением представителей локального сообщества. Против «горододелца», не располагавшего собственным административным аппаратом, сложилась коалиция местной служилой верхушки и пронских воевод, парализовавшая его деятельность.

Ключевые слова: Московское государство, Рязанский уезд, дворянство, воевода, служилый город, элита, государев двор.

Местное управление – один из классических сюжетов историографии Московской Руси. Исследования последних десятилетий, посвященные практикам власти в региональных контекстах, демонстрируют ограниченность традиционной дихотомии «общества» и «государства». Привычные категории утратили былую определенность: за «самодержавным фасадом» монархии Романовых обнаружились «недоуправляемость», малочисленность административного аппарата, множественность ролей, разнообразие интересов и сложные переплетения лояльностей на местах¹. Большое значение приобрели источники, которые позволяют пролить свет на мир интенсивной «локальной политики».

«Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным» было опубликовано И.И. Васильевым в «Трудах Рязанской ученой архивной комиссии» за 1887 г.², и с тех пор, насколько нам известно, лишь единожды привлекло внимание историка³. Начало и конец источникового комплекса утрачены, в сохранившейся части представлены 33 документа июля-ноября 1630 г. На протяжении этого периода в Пронске находился дворянин М.Ф. Дурной, которому было предписано организовать ремонт местной деревянной крепости⁴. Пытаясь выполнить возложенную на него задачу, «горододелец» столкнулся с уклонением от повинности, саботажем и прямым сопротивлением со стороны локального сообщества, поддержанного воеводами. Обстоятельства данного конфликта составляют главный предмет настоящей статьи.

2 июля 1630 г. Дурной, недавно прибывший в Пронск, «розвытил город» – распределил сметные «поделки» между различными категориями населения⁵. Основной объем работ, расписанный исходя из размеров «живущего» в платежных книгах, приходился на сошных людей дворян и детей боярских Каменского стана (центром

* **КИРПИЧНИКОВ Иван Алексеевич** — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; исторический факультет; кафедра истории России до начала XIX века; аспирант; г. Москва, Россия; ivkirs@mail.ru.

¹ См., напр.: Kivelson V.A. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Stanford, 1996. P. 129–153.

² Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным в 1630 г. (сообщил И. Васильев) // *Труды Рязанской ученой архивной комиссии* за 1887 г. Рязань, 1888. № 7. С. 133–140; № 8. С. 151–167.

³ В связи с исследованием стрелецкого войска. См.: Горбачев В.И. *Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30–40-х гг. XVII в.*: Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2012. С. 143–146.

⁴ Городовое дело обстоятельно рассматривается в классической работе: Лаппо-Данилевский А.С. *Организация прямого обложения в московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований*. СПб., 1890. С. 377–389. О пронской крепости XVI–XVII вв. см.: Монгайт А.Л. *Рязанская земля*. М., 1961. С. 207–212.

⁵ Дело о постройке города Пронска... № 23. С. 158.

которого являлся г. Пронск). Сошные люди должны были заготовить и доставить необходимые материалы («лес на городовую поделку и на кровлю тес»), а также принять участие в строительстве совместно с пронскими стрельцами и казаками¹.

При организации «городового дела» Дурной сразу встретил непредвиденные трудности. Обнаружилось, что необходимы работы, выходящие за пределы составленной ранее сметы – а значит, дополнительный строительный материал². Для размещения бревен не хватило бы места, потому что «улицы в городе у стены тесны, с телегою разъехотца негде»³. Однако самой сложной задачей оказалась мобилизация местного населения: строительство города пришлось на разгар сельскохозяйственного сезона⁴. Отставные дети боярские, нужные для рассылки по стану, не прибыли в город по распоряжению осадного воеводы⁵. Пронские стрельцы и казаки отказались участвовать в заготовке и доставке бревен, поскольку были освобождены от этой части работ специальной грамотой – их можно было привлекать только «городовую поделку делать в готовом лесу, что останетца за делом у сошных людей»⁶. Многие дворяне и дети боярские Каменского стана являлись однодворцами и, попытавшись поначалу избежать повинности, впоследствии вынуждены были нанимать людей у более состоятельных соседей («у которых есть люди и крестьяне и у которых поместья и вотчины подгородные») ⁷. Сошные люди «огурились» (ослушались): затягивали с поставкой материалов или вовсе не явились в Пронск. В росписи «огурщиков» – списке владений, сошные люди с которых не приняли участия в перевозке леса – перечислены сразу 76 поместий служилых людей⁸.

Возможности «горододелца» принудить местное население к выполнению работ оказались весьма ограниченными. В челобитных Дурной предлагал «править» лес на тех, кто поручился за «огурщиков», однако этот вариант был отвергнут Москвой. Практика найма не одобрялась столичными администраторами, но запрещалось и взыскивать лес с самих однодворцев⁹. В распоряжении Дурного находилось всего несколько пронских пушкарей и затинщиков, и их отправка во владения «огурщиков» не увенчалась успехом. В одну из таких поездок затинщик был избит сыном боярским С. Осеевым. Новокрещен М. Темяшов также отказался дать своих крестьян, после чего приехал к Дурному на съезжий двор и «лаел всякою неподобною лаею»¹⁰.

Положение осложнилось, когда «горододелец» оказался вовлечен в конфликт с представителями служилой верхушки Каменского стана. Во время праздничной церковной службы на него накинулся с угрозами П. Бурцов («он, Петр... похваляется: велю де тебя людем своим бить аслопы на смерть и резать ножами») ¹¹. Челобитные Дурного позволяют предположить, что у влиятельного клана Бурцовых имелся собственный интерес в связи со строительством: их крестьяне активно нанимались для выполнения работ вместо других сошных людей Каменского стана, а если это не

¹ Дело о постройке города Пронска... № 4. С. 135; № 6. С. 136.

² Там же. № 8. С. 137; № 10. С. 138.

³ Там же. № 5. С. 136.

⁴ Там же. № 28. С. 161. О важности этого фактора: Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 384.

⁵ Дело о постройке города Пронска... № 3, 4. С. 135. По разрядной росписи в Пронске «для осадного времени» должны были находиться 194 чел.: 127 отставных детей боярских Каменского стана, 14 пушкарей, 21 затинщик, 10 кормовых черкас, 16 казенных плотников, 6 воротников. См.: Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшим соизволением II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 223–224. Как видно из материалов дела, никто из отставных детей боярских не пребывал в этот период в городе.

⁶ Дело о постройке города Пронска... № 19. С. 155.

⁷ Там же. № 11. С. 138; № 28. С. 161.

⁸ Там же. № 11. С. 138; № 12. С. 139–140.

⁹ Там же. № 2. С. 135; № 6. С. 136; № 11. С. 138; № 13. С. 151–152.

¹⁰ Там же. № 14, 15. С. 152–153.

¹¹ Там же. № 16. С. 153.

удавалось, мешали «поделкам»¹. Дурной указывал, что поручные записи крестьян Бурцовых составлены с нарушениями; попытка разобраться в этом деле вызвала целую серию столкновений. П. Бурцов с братьями и своими «людьми» приходил на съезжий двор, чтобы расправиться с «горододельцем», а впоследствии Дурной подвергся нападению его крестьян. К «роду и племени» Бурцовых принадлежали Мокринские и Лысцовы, также принимавшие участие в потасовках и перепалках: «Ондрей Лысцов сек было меня топором, и гоняли за мною... с ослапы и с кольем и с топорами и с рогатиньем и хотели меня... убить до смерти»².

Представителем пронской администрации, с которым наиболее интенсивно взаимодействовал «горододелец», являлся осадный воевода, мешцовский выборный дворянин А.Т. Сухотин³. Еще в начале августа челобитные Сухотина и Дурного, посвященные рабочим вопросам, отправлялись в Москву совместно, с одним затинщиком⁴. Дурной неоднократно сетовал на то, что Сухотин не предоставил достаточного количества отставных детей боярских для рассылки по стану. В начавшемся конфликте осадный воевода принял сторону местной служилой верхушки. Как сообщал Дурной, 11 сентября «присылал воевода Ондрей Сухотин полкового сына боярского Онисима Кольжкина да с ним своих людей... убивать у двора трожды, и меня, холопа твоего, и женишку мою и племянницу девку лаели»⁵. Ранее тот же Кольшкин вместо площадного подьячего написал поручную запись на крестьян Бурцовых – документ, который «горододелец» отказался принять⁶. Коалицию против Дурного, которую он называл «заговором», поддержали и начальники войска, размещенного в районе Пронска – полковые воеводы стольник Г.Г. Пушкин и А.Т. Чубаров⁷.

Только 19 сентября – спустя два с половиной месяца после прибытия Дурного в Пронск – необходимые материалы были, наконец, доставлены в город, и началась активная фаза строительства⁸. В тот же день «заговорщики» инициировали создание первой коллективной челобитной от имени «рязанцев Каменского стана» с жалобами на самоуправство, «разорение» и насилия со стороны «горододельца»⁹. 28 октября в Москву была отправлена еще одна аналогичная челобитная, более пространная. Главными обвинениями, выдвинутыми против Дурного, были волокита и коррупция («бездельная корысть»). Челобитчики указывали, что Дурной затягивает строительство злонамеренно и берет «великие посулы» за незаконное освобождение от повинности¹⁰ – они же более двадцати недель вынуждены снабжать не только самого «горододельца», но также его жену и племянников. Наступала зима, а служилые и жилецкие люди по-прежнему «с топоры и с лопатами» находились в Пронске. Челобитная завершалась примечательным предложением: «отставить» Дурного и назначить вместо него «город поделывать осадному воеводе Ондрею Сухотину, чтобы нам бедным от таких *присыльщиков* [курсив наш – авт.] до конца не разаритца»¹¹. Отдельную челобитную в Москву написали пятидесятники пронских казаков «во всех места товарищев своих ста тридцати человек» –

¹ Дело о постройке города Пронска... № 20. С. 156; № 22–24. С. 157–159.

² Там же. № 2. С. 135; № 16. С. 153–154; № 23. С. 158; № 32. С. 165.

³ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 138. О пронских воеводах осени 1630 г. см.: Книги разрядные, по официальным оных спискам... Стб. 223–224.

⁴ Дело о постройке города Пронска... № 1. С. 134; № 3–4. С. 135.

⁵ Там же. № 32. С. 165.

⁶ Там же. № 16. С. 153.

⁷ Там же. № 32. С. 165.

⁸ Там же. № 22. С. 157.

⁹ Там же. № 26. С. 160; № 32. С. 165.

¹⁰ Ср. также озвученное П. Бурцовым обвинение в том, что Дурной освободил один из трех «жеребьев» Каменского стана от работы за взятку. См.: Дело о постройке города Пронска... № 16. С. 153.

¹¹ Дело о постройке города Пронска... № 28. С. 160–161.

в ней содержались сходные жалобы¹. Казаки и стрельцы заняли выжидательную позицию – отказывались работать, пока не вернутся их посланцы в столицу. Дурной рассматривал их в качестве союзников «заговорщиков»².

Как сообщал Дурной, уже на следующий день после составления первой челобитной (20 сентября) к нему пришли двое священников, которые сообщили, что их насильно заставили «руки приложить в детей своих духовных и прихожен своих места, без их веленья, Ондрей Сухотин, Петр Бурцов, Ондрей Лысцов, Федор Корондеев. И убоясь их бою, они свещенники руки приложили... неволею». Среди «заговорщиков» Дурной перечислял также «Воскресенского попа Тихона», детей боярских Мокринских, Тищениконовых, Трубниковых и «иных, у которых нанелись ево, Петровы, крестьяне Бурцова»³. Челобитные препровождались в Москву через съезжую избу Пушкина и Чубарова. Дурной утверждал – впрочем, не приводя доказательств – что полковые воеводы также активно участвовали в составлении челобитной. По их распоряжению П. Бурцов избил одного из детей боярских, который отказывался поставить свою подпись⁴.

Таким образом, группа влиятельных «заводчиков», поддержанных воеводами, направила в Москву челобитную от лица всего населения Каменского стана. Нужные подписи были получены при помощи священников (насильно или «запоя», т. е. напоив), которые имели право расписываться за своих духовных детей и прихожан. Дурной указывал, что челобитная является «ложной» и «воровской», потому что написана помимо воли и без ведома подписантов⁵. Большинство жителей стана не были активно вовлечены в конфликт, а отдельные лица, по-видимому, сами пострадали от притеснений «заговорщиков» и сочувствовали «горододельцу». Священники, поставившие подписи под челобитной, явились с повинной потому, что пушкари, затинщики и стрельцы «у попов своего приходу... ключи церковные хотели отнять за то, что они приложили руки к воровской и ложной челобитной без их веленья»⁶. Внутри локального сообщества возникло напряжение: далеко не все местные жители были готовы выступить на стороне «заговорщиков». Дурной упоминал Е. Дуванова (заступился за него в одном из столкновений), и еще нескольких детей боярских, которые могли бы дать показания против оппонентов⁷.

Конфликт с представителями пронской администрации привел к тому, что Дурной окончательно остался без подчиненных, которые могли бы выполнять его распоряжения: «Пушкорем, государь, и затинщиком Ондрей [Сухотин – *авт.*] меня... слушать не велел, а за то их бьет; и ходить ко мне... им не велит». Воеводы попытались принудить пушкарей и затинщиков, чтобы и они написали жалобу на злоупотребления «горододельца». Теперь у Дурного не было даже людей, силами которых можно было принять «мостовой лес», привезенный в город⁸. Не менее ощутимым было нарушение прежних каналов связи с Москвой. Жена затинщика, согласившегося отвезти очередную челобитную в столицу, была брошена Сухотиным в тюрьму. Дурной стал опасаться, кроме того, что теперь отправленные документы могут быть по дороге перехвачены «заговорщиками»⁹. Стороны торопились дезавуировать аргументы друг друга и представить Москве свое видение

¹ Дело о постройке города Пронска... № 19. С. 155–156.

² Там же. № 14. С. 152; № 16. С. 154; № 17. С. 155; № 30. С. 163.

³ Там же. № 22. С. 157. Выходцы из перечисленных служилых фамилий, как правило, несли службу по «дворовому» списку и, следовательно, тяготели к верхушке служилого «города».

⁴ Там же. № 20. С. 156.

⁵ Там же. № 22. С. 157.

⁶ Там же. № 32. С. 165.

⁷ Там же. № 14. С. 152; № 23. С. 158–159.

⁸ Там же. № 22. С. 158; № 31. С. 164.

⁹ Там же. № 20. С. 156; № 22. С. 158; № 32. С. 166.

конфликта, используя в качестве курьеров доверенных лиц. Челобитную от имени жителей Каменского стана доставил человек П. Бурцова; Дурной все чаще посылал в столицу своих племянников – Степана и Герасима¹.

Обстоятельно реконструируя в челобитных хронологию своих злоключений, «горододелец» последовательно перечислял понесенные унижения и просил центр «оборонить» его от «заговорщиков». Так, в одной из стычек Сухотин публично назвал Дурного «изменником» – оскорбление, которое в рассматриваемый период недвусмысленно отсылало к событиям Смуты. В челобитной Дурной отвел специальное место отповеди по этому поводу: «Я, холоп твой, перед Богом и перед тобою, государем, измены никакой не веую, и отец мой и дяди мои и братья и племянники... не изменявали... и служили тебе, государю, и помирали за дом Пресвятой Богородицы и за православную христианскую истинную веру»².

В ответ на обращения и жалобы Дурной получал из Пушкарского приказа³ стандартные рекомендации придерживаться наказа, а также замечания, что он пишет «не делом» и выполняет поставленную задачу недостаточно прозорливо⁴. Не вдаваясь в детали, столичные администраторы предписывали осадному воеводе содействовать «горододелцу», через Стрелецкий приказ подтвердили распоряжение об участии в строительстве стрельцов и казаков (но доставка соответствующего указа задержалась), разрешили минимальные дополнительные работы («поделывать самые худые места»)⁵. С октября риторика указов изменилась: Дурному ставилось на вид, что он «кое городовую поделку мотчает, ...а которые дворяне для таковые ж городовые поделки в города были посланы, и те многие, отделившись от городовых поделок, к Москве приехали... А... вскоре не поделает..., и ему от государя быть в опале»⁶. Челобитные с изложением обстоятельств конфликта «горододельца» и пронских служилых и жилецких людей не привели к началу немедленного расследования: приоритетом приказных администраторов оставалось скорейшее завершение строительных работ⁷.

Наиболее поздние сохранившиеся документы дела датированы ноябрем 1630 г. Активные обращения сторон в Москву в этот период продолжались. Стрельцы и казаки, так и не получившие из столицы прямого указания приступить к строительству башен, по-прежнему «чинились сильны» и отказывались принимать участие в «поделке». В конце октября Сухотину было приказано заставить стрельцов и казаков работать, но он не стал этого делать. «Казаки и стрельцы меня, холопа твоего, не слушают, а не велят им городового дела делать Ондрей Сухотин да Алексей Чюбаров да Петр Бурцов», – докладывал Дурной. Крестьяне Бурцовых, нанявшиеся на работу к соседям, игнорировали распоряжения «горододельца», конфликтовали с ним, «сбивали» с огородной людей из других владений и саботировали работу⁸. Список «огурщиков» не уменьшился: значительная часть сошных людей так и не явилась для отправления повинности, а другие «сумневались», наблюдая за происходящим. Городовому делу, резюмировал Дурной, «стала мотчания великая... и по огурщиков по сошных людей мне... посылать некого»⁹.

¹ Дело о постройке города Пронска... № 14. С. 152; № 16. С. 154; № 22. С. 158; № 25. С. 159; № 32. С. 166.

² Там же. № 32. С. 164–165.

³ В одном из документов упоминается дьяк Степан Угоцкий. См.: Дело о постройке города Пронска... № 30. С. 162; Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 148.

⁴ Дело о постройке города Пронска... № 2. С. 135; № 6. С. 136; № 11. С. 138–139; № 18. С. 155.

⁵ Там же. № 7–8. С. 136–137; № 10. С. 138; № 13. С. 152; № 27. С. 160; № 30. С. 163.

⁶ Там же. № 11. С. 138–139; № 13. С. 151.

⁷ Там же. № 29. С. 161–162.

⁸ Там же. № 30. С. 163; № 31. С. 163–164; № 32. С. 166.

⁹ Там же. № 22. С. 158; № 31. С. 164.

Провал пронской миссии Дурного – сюжет, показательный во многих отношениях. Вполне естественно, что городская повинность не вызвала энтузиазма у населения Каменского стана, и следование намеченному плану с самого начала оказалось затруднительным. Московская приказная администрация могла откликнуться на запросы своего агента только формальными указаниями, но не реальной поддержкой. Успех предприятия «горододельца», не располагавшего собственным аппаратом, всецело зависел от того, сумеет ли он договориться с пронской администрацией и найти взаимопонимание с верхушкой локального сообщества. В обоих случаях Дурной потерпел фиаско, и пассивное уклонение от работ сменилось обструкционизмом и активным сопротивлением. Особенно примечательно, что против «присыльщика» сложилась сплоченная коалиция группы служилых людей и воевод. Последние были для населения такими же пришлыми правительственными агентами, как и Дурной – пребывание в Пронске являлось для Сухотина, Пушкина и Чубарова всего лишь очередным кратковременным назначением. Однако они, в отличие от «горододельца», сумели найти общий язык с местным сообществом и организовать скоординированную кампанию по его компрометации. Дурной оказался в незавидном положении: враждебность локальной элиты и молчаливая обструкция со стороны населения Каменского стана парализовали работы, а из Москвы все чаще приходили угрозы подвергнуть «горододельца» «великой опале» за крайнюю нерасторопность и злоупотребления.

Источники и литература

1. Боярская книга 1627 г. М.: Институт истории СССР, 1986. 207 с.
2. Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинских городов России 30–40-х гг. XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2012. 184 с.
3. Дело о постройке города Пронска Михайлом Федотьевичем Дурным в 1630 г. (сообщил И. Васильев) // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 г. Рязань, 1888. № 7. С. 133–140; № 8. С. 151–167.
4. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшим соизволением II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1855. Т. 2. 1 398 стб.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. 579 с.
6. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: ИРИ РАН; РГАДА; ЦГИ, 2015. 303 с.
7. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
8. Kivelson V.A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford: Stanford University Press, 1996. 372 pp.